

© Всероссийский фонд культуры.
Мурманское отделение

Мы достаточно говорили о стремительном развитии саамской национальной культуры. Тем не менее 25 мая 1989 года на конференции, посвященной первому Дню саамского слова (проводился по инициативе Мурманской писательской организации Союза писателей РСФСР и Мурманского отделения Всероссийского фонда культуры), было сказано, что до революции книги в нашей стране на саамском языке издавались, и такие книги на конференции были показаны, а вот за последние семьдесят лет — нет. По просьбе участников конференции, дабы не кончилось все в очередной раз пустыми разговорами, и предпринимается срочный выпуск этой книги.

Организаторы Дня саамского слова считают, что уже до следующего, очередного праздника есть возможность издать на родном языке еще одну книгу — книгу детских стихов саамских поэтов и что уже сейчас можно начать подготовку к выпуску на саамском языке саамских народных сказок.

ОКТАБРИНА ВОРОНОВА

АВЪТМУСС СЪМЪ
СТИХА КНИГА

Мурман ланнѣ 1989 ыгкѣ

ОКТАБРИНА ВОРОНОВА

первая
поэтическая книга
на саамском языке

мурманск ✪ 1989

ПЁССЬ-МЫРР

Пэжнэсьт, косьт шаннтыв сыйн,
Шаннт пёсьсь-мырр
Афтсэесьт вāннтаз
Пыяс пыйенайн лāдъв.

Уштэ аяйт айе,
Народ лыгката и оар.
Пэдтлев тейи коми, сāмя олмэ
Пассь-пейве мйллътэ.

Пэдтлев пёсьсь-мыр луз.
Сон тырькыйт
Пыссьрийт пыйев,
Койт и мōджись тāвярь лэбеев.

Сйррэв хоровадыт,
Коттэ чāдзе оаясьт.
Айев кыкктэ чāррэ народ
Пыгк āнтшэн кильн.

Сингейм, пяццлэсьт евла аннтлыччмый,
Чад пыгк āгейт я кукас автэс,
Коххьт тэнна пёсьсь-мыр вāннтаз,
Емын пыкэ гейке ахтсэе портые лй.

БЕРЕЗА

На пожне, на краю покоса,
Седая, древняя, как миф,
Растет двустволая береза,
Вершины к небу устремив.

Чтоб песни петь под небесами,
Народ обычно занятой,
Приходят коми и саами
По праздникам к березе той.

Она ветвями чуть поникнет, —
В подарки ветви облекут.
Кто бисера наденет нитку,
Кто шелка принесет лоскут.

Сливаясь цепью хоровода,
Как будто воды в ручейке,
Поют два тундровых народа
На всем понятном языке.

У них,
 в печали непокорных,
На все века и времена,
Как у березы этой корни,
Земля — кормилица одна!

* * *

Лыяввьр урьтэ лышш явла курьт,
Лышш куххькенѣ, коттѣ афта коввсог вильй.
Сайе я таввял курьтэ
Я нанѣтэмь лѣв курче —
Паллксэсьт ель уйт.

Курьтэ лѣв Алуайвн¹ каль.
Соннэ палтыжи пѣдтэ — нанѣтэмь лй чйңуэль.
Тѣсьт кэссь — ляннчи курьтэ луэмесьт
Толлэ тэсскам лавайн
Вэлас кольки, тыльты, шуррьды ѣгк.

Тадтѣ лѣй тула.
Ев мушьт пѣресь каллза,
Коххьт чии ѣммьн, палтыжи.
Таннэ шурр пыллемь сэсэсьт,
Коххьт пыллинѣ римья, конѣтэ, тал.

Вулкана чѣннткэсьт кѣххьтынѣ вѣдзэ пѣлутьыв я калм.
Кѣххьтынѣ чѣннтэ аге йң.
Тэллэ коля-косьт
Пыйенэнчи алмэантки
Чуввись кййв чѣдзь.

Агке ѣммьнэсьт лыххцтогк.
Пыгк маннэ аге пѣль.
Оайялахтчик кѣрре, пѣццэль, пѣдтэ
Тэльки эллесь пѣццк,
Ку пѣды мйнэ кассклесьт,
Коххьт сонн кѣдт, кѣххтаст мѣйн вай и?

¹ Алуайв — лыяввьр чѣр пѣххьк вѣйив.

* * *

Ловозерские горы лишь с виду пологи.
Только издали схожи, как братья, они.
И на юг, и на север крутые отроги,
И какие межгорья —
С тропы не сверни.

Есть две страшные пропасти у Алуайв¹,
К ним опасно приблизиться — так глубоки.
Будто треснули горы
И огненной лавой
Два ущелья две бурных пробили реки.

Это было давно.
Уж не помнят и деды,
Как дрожала земля, сея ужас и страх,
Как сгорали куниты, олени, медведи
В тех огромных и жарких всеядных кострах...

Пасть вулкана закрыли сугробы и стужа —
Запечатали пробкою вечные льды.
Лишь местами звенит,
Пробиваясь наружу,
Голубая струя родниковой воды.

Время — лекарь земли.
Всё проходит с годами.
Забываются горе, печали, беда.
...Только пропасть,
Что вдруг пролегла между нами,
Как исчезнет, закроется чем и когда?

¹ Алуайв — вершина в Ловозерской тундре.

★ ★ ★

Вадз оарра мыхткасыт шурр сыбпись палътвынѣ,
Кѣххьпись, сыбпись, котѣ высьсь...
Чувпись пѣййве альмесыт
Тэськи талльве вѣрь.
Евла павла.
Альме кыстэлэ вѣдѣта.
Палкса вѣрри ванца,
Оараза я сѣррнѣдадта.

Чуза уйинла палльты.
Тонн кѣз лак рѣввкайн маңк?
Чарче йжянт вѣррьпнѣ,
Коххѣт кѣцкас толст.
Раммдак пѣййва, раммдак мыххтки,
Раммдак павлта альмзи.
Лѣ вѣйңлас пѣхѣтсог,
Вѣрдак кѣнн, коххѣт я мунн?

* * *

Снег лежит сугробом пышным,
Легкий, мягкий, словно пыжик...
Солнце яркое с небес
Озаряет зимний лес.
Нет ни облачка над домом.
Небо кажется бездонным.
Тропку к лесу протопчу,
Постою и помолчу.

Снегиря увижу рядом.
Ты куда такой нарядный?
Протрещи своей сестре,
Словно вереск на костре.
Рад ли солнцу, рад ли снегу,
Рад безоблачному небу?
Иль, дыханье затая,
Ждешь свидания, как я?

* * *

Тэльки йй п̄лла в̄внлийм выйе.
Мий, шичконтма, альгийм в̄дтэм с̄я тыввэ,
Пыйемь к̄оввас, т̄лы п̄йемь т̄лл-с̄яс̄т.
Толст маннэ п̄ххкс вуйн̄лас.
Йнкын̄ овти чуввись,
Я чист, котт̄ ушты манн̄ив м̄дтэ лахха.

Пыян̄ к̄сстэ тулайе т̄лл.
Тадт̄ т̄с̄с̄т мийе антал йжесь к̄ид.
И п̄шьт с̄он т̄с̄элын̄эй т̄рвстогк.
А ёллемь с̄яс̄т т̄лл, котт̄ кытт̄ке рыдэс̄т —
С̄онн ниччка, в̄сселышша я в̄гк.
С̄онн л̄й ёлльмен̄, таннэ к̄еджен̄
ёлльмес̄т тадт̄ л̄й чувв.

С̄онн в̄зэс̄т — олмэгейм,
в̄зэста — олмэгейм.
С̄онн и собпа йк̄семь к̄эрас чоахх̄птогкт̄,
Котт̄ шобшог, к̄у ялл алас пай мынн̄ыйн...
Мун к̄аллш, лямм мунн к̄аллшейн,
Ныдт̄ лихчин — чи тонн т̄лл п̄йям с̄яс̄т,
А ель тэльки кукась т̄с̄т йн̄к.

* * *

Только к ночи сдержали упряжки мы бег.
И, озябшие, стали готовить ночлег,
Ставить чум и запаливать в центре костер.
От огня растекаются струйки тепла.
И душа моя снова светла
И чиста, словно струи, бегущие с гор.

А над нами еще виден дальний огонь.
То звезда нам холодную тянет ладонь,
Но не греет ее отдаленный привет...
А в жилище огонь — словно сердце в груди.
Он танцует в веселье, в печали — гудит,
Он — живой, потому что и жизнь — это свет.

Он и в счастье — с людьми,
и в несчастье — с людьми,
Он не любит холодной пустующей тьмы,
Как любовь, что живет постоянно со мной...
Милый мой, если я для тебя дорога,
Будь всегда ты костром моего очага,
А не только далекой звездой ледяной.

ЧĀХХКЛЯ

Пяццэлышкодак партсант,
Манн ёмьнэ ляммтэ сзя.
Томальт лй майназ Чāххкля,
Ялл сōнн вāннтсагейм.

Тыввэ кабпэрайн вйллктййн.
Сōнн нёзь кезгенъ и тагкмыйн,
Но мом бэ ляммдэсьт тōнн ик тагкмыйн,
Сōнн пыгк тōнэ мйल्लीты тагк.

Акшыйн тёррплак мыры,
Нанътэмы ша кулык тōнн йн.
Кадтэкодак — сōнн куластэ.
Йнн кырьтэ вырстогк пайя.

Кэссь ша альмесыт вэктийт цāгк,
Аббре вэктэ кэннт пйңук,
Чаккч шедтэ вэдтэм сзя —
Лэйстэйт, сыйнэ, понцэ.

Кэссь талльве палле поадак
Таннэ ша сзясьт, тей,
Косыт чальм вāлльтэмы сзясьт,
А Чāххклесыт ев кыдтанан кйй.

На тэльки нёзе ель юрьт,
Ижинт кййнийн вāнъц.
И, удць Чāххкля и яммыйн.
Сōнн вуадт.
Тōнн ель покыт сōн.

ЧАХКЛЯ

Когда заскучается в доме,
Иди на просторы тайги.
Там маленький сказочный гномик
Живет в корневищах тугих.

Смешной в колпачке своем белом,
Он зла никому не творит.
Но что бы в тайге ты ни делал —
Он все за тебя повторит.

Топориком стукнешь по ветви,
Такой же услышишь ты стук.
А крикнешь — он эхом ответит,
И звук улетит за версту.

Когда же по небу проносят
Дождливые тучи ветра,
То стелет постель ему осень
Из листьев, травы и пера.

А если придешь ты зимою
На это же место, сюда,
Увидишь пространство немое,
А гномика — нет и следа.

Но только плохого не думай,
Своею дорогой иди.
Нет, маленький чахкля не умер.
Он спит.
Ты его не буди.

* * *

Пыгк альмандэсьт л̄ев й̄ссь ин я куллтэль.
Намм л̄ев е̄лльмесът пыкагейм.
Т̄иххтмыйн л̄ев
П̄еййве, ч̄арр, к̄иннт,
Е̄ннэ, едже я е̄гк,
Е̄мьнэ, с̄аттк.
Тэсэлынэй е̄мьнгейм
Ид̄й̄ к̄иййв ч̄адзь,
Челльда к̄алльтэ ч̄адзь,
С̄ан̄э с̄аннэ паштолл.
Быдтэ яла уй̄йнмышын
Вэп̄ьсись к̄аллазай
Муштыла адт̄й̄
Нырр палесь...
Цуллук коввсога т̄олл п̄орр мырьт.
Т̄он̄ й̄ңӯнке чуэвант вырр,
В̄альт куэкъ, цып̄ьцэт̄ь я поадэт̄ь ильт.
Я чидземь райе т̄идтсыясьт
Муштлак с̄аныйт:
П̄еййве, ч̄арр, ч̄адзе,
Е̄ннэ, едже, е̄мьн.

* * *

Все на свете имеет свой голос и звук,
В обиходе названия есть у всего.
Обозначены
Солнце, и тундра, и луг,
Мать, отец, и река,
И земля, и село.
Из глубин вековечных
Пробился родник,
И бормочет родник,
Слово к слову лепя.
Будто жизнь повидавший,
Бывалый старик
Вспоминает сейчас
Молодого себя...
Шелковистый огонь пожирает дрова.
Ты взгрустнешь,
Кочергой угольки шевеля,
И до боли знакомые
Вспомнишь слова:
Солнце, тундра, река,
Мать, отец и земля.

ПАРРТ ЁГК РЫНДЭСЬТ

Пэннэ ёгк рындэсьт
Асмы лётъ парт тула — тула.
Но талльв пāля, кыдт пāля
Ев тыск сiны еххан.
Рамхэмись тёммись, коххьт кэрас паррт.
И потырь турьбэсьт сывв.
Кэрас паррт, коххьт иңтэм Кёйвя,
Урьтынъ пэйенэнчмийн сийн
Шувальт асмыйн лi сōнн кётъкесьт.
Сōнн тэльки маңмэнъ яллажэнъ ялл.
Я ныдтъ лi ковсогк сōны пяццэль,
Коттъ мусст шантмыйн таннэ ёгы кырст.
Уккс вёртал кахчмыйн лi,
Рундыкът вāре альтэныччин,
Я тэльки сыйнэ кэссэм пāле
Тэсьт куллэев iн.
Чаккче, чāдзь шаңийн,
Партст пāххкыз вāллтэ пiңүк.
Маңемысс ванзийн
Уйитыв пыгк iжесь саттки.
Я парта, коттъ кāххт евайн,
Пiңийн вāллтэ сывэ турьбэсьт.
Лышш кугке, кугке алкэ чāйнэххьк
Тэлишкоадта тылтэм чāзе.

ДОМ У РЕКИ

На берегу реки Поноя
Построен дом давным-давно.
Но ни зимою, ни весною
Не светится его окно.
Угрюмый, темный, словно келья.
Не вьется над трубою дым.
Дом пуст и молчалив, как Кейвы¹,
Грядой встающие за ним.
Добротно рубленный на камне,
Он только прошлым и живет.
И так близка его тоска мне,
Родившейся у этих вод.
На петлях дверь повисла косо,
К крыльцу придвинулись леса.
И только в пору сенокоса
Здесь раздаются голоса.
Но осенью, сырой и вздорной
Из дома выветрит тепло.
Последней лодкою моторной
Уедут все в свое село.
И дом окутает молчанье,
Развеет над трубой дымок.
Лишь долго-долго будет чайник
Хранить остывший кипяток...

¹ К е й в ы — горная гряда вдоль Поноя.

Ерұт — Ӑввтӕй

Сееламмч, коттъ выйем л̄аммч л̄й.
Кыкктъ сееламча лев сан̄ӕ кий.
П̄д̄ӕй колльтэ-
Ерұтэ п̄ель Ӑввтӕй-
ли кыдт м̄аннэ м̄артэ.
Танагӕйки п̄ӕхк р̄ӕднӕй Ӑвтычив.
Коххьт — ляннчи мудтӕ-наллэ евва, ицтэм лев.
М̄анэ коллм в̄ял л̄й к̄ессе п̄алла.
Чёрры уйтыв пастӕхь.

Леңгысь сывы л̄яффэв.
Чузэ кырұтэв альмесът.
Майткас В̄ӕтӕ согэсьт
Канньла, канньла тиввтма чальметъ лев?

Кугке кабпкайт уйнлогчийт вурұтэ.
Пастӕхыйт пай агесь к̄ӕххче к̄яйна.
Рындэсьт иввья океанэсьт
Сийй совхознӕй чидзыйт пыннев.
Шурр п̄яццэль л̄й, роаммдэнт я л̄ивыз.
В̄эзе т̄идтӕ,
 т̄идтӕгэдтъ п̄идтӕ
Я согке к̄ӕллшӕн̄тъ т̄ӕлльв ч̄ӕрэсьт
Маннэ суннтэм ч̄ӕдзейн.

БОКОГРЕЙ

Солнца луч — как поводок упряжки,
Два луча — следы оленьих нарт.
Рассиялся золоченой пряжкой
Бокогрей —
 весенний месяц март.

Потому, теплом родным согреты,
Как-то по-особому тихи,
Месяца за три еще до лета,
В тундру уезжают пастухи.

Ласково им машут струйки дыма,
Пуночки порхают в небесах.
Почему ж у Фединой любимой
Слезы, слезы стынут на глазах?

Долго женам встречи ждать желанной.
Пастухов всю жизнь влекут пути.
У груди седого океана
Им стада колхозные пасти.

Жить в заботах, радостных и трудных,
Счастье знать,
 знакомиться с бедой
И к любимым из полярной тундры
Возвращаться с талою водой.

ЧУЗЭ БҒЗЭ

Пеййве — рошшькись сееламмче —
Лыгксэххьтэнъ сэесът о̄аяйт.
Е̄гий пыйнэджи, коххьт розе рыввьтэ вэдт.
Ӣңы кышшк, коххьт рыввьтэ кэльцы цѣпегейм.
Я ёфта йввья урьдйит
Чāзе полтэма пэхтэ.

Суннѣтэмь сэясът, поввнэ кэскэнъ
Яллай удць — удць поаллэнч.
Быдтэ кэммэрь верьтэ емьна
Сонн пыйеныджи
Я таль палльты
Куллыгэдт̄ын а̄ясь олмы:
Чу-д̄й̄, чу-д̄й̄, чу-д̄й̄, чу-д̄й̄.

Тадт̄й̄ Чузи.
Аккты сонн лй̄,
Чārэ кыссклыччин соннэ.
Я емьнэ —
Ныдт̄ь сонн тывваль а̄яй, —
Е̄адтэгудэ кйрркна сабпынъ.
Каллм емьнэсът
Пяййва пыйеныччин кырьй.
Ныдт̄ь кырьет̄ь кырьйдынъ,
Быдтэ тйрьмись юккс яллайе.
Кйнты сэясът, е̄гкэ рындэсът,
Нийта лодт̄й̄в роазенъ перьвескэт̄ь.

Тагызак чāрайн тэгкись эхтнэгэсът,
Танна кулак Чузи а̄я.

О ЧУЗИ — ВОРОБЬЕ

Солнца красного лучи
Взбудоражили ручьи.
Речка вздыбилась подковой,
Ледяные рвет оковы
И с ловозерских высот
Воды мутные несет.

На поляне между кочек
Ожил маленький комочек,
Будто горсточка земли.
Он взлетел.
И вот вдали
Услыхали песню люди:
Чу-ди, чу-ди, чу-ди, чу-ди...

Это Чузи.
Это он
Разогнал тяжелый сон,
И земля, —
Так дивно пел он, —
Забродила соком спелым.
Из полярной мерзлоты
К солнцу поднялись цветы.
Так узоры вышивая,
Словно радуга живая,
На лужайке у реки
Девушки плетут венки...

Будешь с тундрой в союзе —
И услышишь песню Чузи.

* * *

Ч̄арр альмесът ч̄енни руйкыв,
Егкель ч̄адзе мыххткэсьт ладз.
Удць в̄эзай т̄аххтэ егкель п̄орры,
Чоххк иввье нюн̄ыйн егкели.
Сост в̄яла в̄игкыс в̄аннэ,
С̄онн ч̄ейе н̄елле ильке альн.
Сэгесът е̄ннэсь иссь п̄арнас карвулл.
П̄аххк е̄рьт̄ыйн п̄иҗкысьт к̄аххт.
Сакксмайт нюаласт никкчмийн,
Егкель сунным сэясът в̄узьхат
Але нимҗтаст магкш м̄айд̄ыйн.
Л̄й майн т̄иввэдодты в̄эзанчи:
Чаккч мырр м̄оджи л̄й я елла п̄асс.
Кугксесът альмесът чизе чиррькыв.
Е̄ны с̄эгкыйн т̄иввтычив.
П̄еййве чувва ч̄арэ л̄яшшк.
Чидтэ туввтэ е̄ннэсь — аллтэ
В̄яла афтэ в̄узе ч̄идзи п̄эхт.

* * *

Над весенней тундрой гуси кличут.
Торф от снега талого намок.
Маленький олешек робко тычет
Белую мордашку в белый мох.
У него пока и силы мало,
Он на ножках тоненьких дрожит.
Ну, а рядом бдительная мама
Своего дитяню сторожит.
Рядом с ним гуляет и приляжет,
Шерстку пооближет языком,
Ягель на проталинке укажет
Иль напоит вкусным молоком.
Есть чему дивиться олененку:
Нежные подснежники цветут,
На земле ручьи клокочут звонко,
В синем небе пуночки поют.
Соком наливаются брусника.
Солнце свет на тундру щедро льет.
Очень скоро мама-олениха
Пополненье в стадо приведет.

ПЭННЭ ЁГК

Куэлнэгк ёмьнэ растэ мэннэ
Кугкэзи-кукас,
Коххът каньце олмэгейм
Олмэ-вāррдэм-ёгкын.

То шуррдэ каллегейм,
Коххът куэццькемь йннэйн,
То бараст баррэ ёвайн
Олмэ-вāррдэм-ёгкын.

Нигклинъ пылташ райе
Пйхтэ, педзе, кызи.
Пыйе мёрри кяйнэ — вāрэ
Олмэ-вāррдэм-ёгкын.

Тэсскэ сātкэсьт,
Быдтэ чуввь ёххкнэсьт,
Одт яллэмушш кйейт я тэсэлынэй
Олмэ-вāррдэм-ёгкын.

Чальмны-Варрэ, няррк тэсэлынэй,
Коххът вāря чальмэ,
Вāртай чуйвись алманнты
Олмэ-вāррдэм-ёгкын.

Пыней мйны райе агемэйн
Мудрысый алкэчин
Тэсэлынэй олмэ кырьедайн лй кётъке
Олмэ-вāррдэм-ёгкын.

Кунн сэя шаннтыв
Кэдтэ кырр сыйныйн
Намбийт мёрри тянтэ ённэ
Олмэ-вāррдэм-ёгкын.

Пыгкыйт антэмайн ли кыррьтле, ёрры
Ая я оаллвэ кугке,
Кыдтая, коттё муштлогк,
Олмэ-вāррдэм-ёгкын.

ПОНОЙ

Протянулась Кольским краем
Далеко-далёко,
Как попутчица людская,
Олмэ-вардэм-ёгкын¹.

То бурлит среди утесов,
Как орлиный клетот,
То замрет в спокойных плесах
Олмэ-вардэм-ёгкын.

Наклонились над порогом
Пихты, сосны, елки.
Правит к морю путь-дорогу
Олмэ-вардэм-ёгкын.

Освещает над деревней,
Будто свет из окон,
Новой жизни след и древней
Олмэ-вардэм-ёгкын.

Чальмны-Варрэ, мыс старинный,
Как лесное око,
Смотрит в синюю равнину
Олмэ-вардэм-ёгкын...

Сохранил до нас веками
Мудрости истоки
Предок, выбивший на камне
Олмэ-вардэм-ёгкын...

Пепелища зарастают
Трын-травой жестокой.
Волны к морю катит стаей
Олмэ-вардэм-ёгкын.

Всем дано взлетать и падать
Петь иль плакать долго.
Но останется, как память,
Олмэ-вардэм-ёгкын.

¹ Река-путеводительница.

ВІРМА

Вірма ёгий,
Вірма ёгий,
Мом лак рыхмын чиньлесьт?
Рындэсьт пяццк тон кэсста
Югке кятка понэсьт.

Кё кукасвид тоны мёрряй?
Кё тоны аррвад власть?
Вірр-
 ли сáмыс сыйнэ рыннта,
Мá-
 ёмьнэ, косьт тóнн шаннѣтыкь.

Колкак ёгкэ няльмесьт югке гоаррэ.
Пйңкийн томальт — тэсьт
Сыллп кабпэрай намьпе,
Быдтэ вуаза оагкав.
Аге пáль чад кытѣке, кэсстэ,
Тадтѣ чйллк чáдзь сунá
Манѣ, кольки Вірма,
Вірма — еже, ёнэ ёмьнанѣ.

ВИРМА

Речка Вирма,
Речка Вирма,
Что таишь ты в глубине?
С бережка крутого видно
Каждый камушек на дне.

Кто длину твою отмерит?
Кто твою оценит власть?
Вир
 в саамском значит — берег,
Ма —
 земля, где родилась.

Разлилась ты в устье вольно.
Под ветрами — там и тут
В серебристых шапках волны,
Будто пыжики, бегут.
На века сквозь сердце, видно,
Эта чистая струя,
Протекла речушка Вирма,
Вирма — родина моя!

КЫРРТЭ КИХХЧЛЕМЬ БЭЗЭ

Кē лй вйрэсвйдт, кулсант, с̄агк тадтй.
Тула лей в̄арыда к̄адэмандэсьт.
Лийин лонтэ в̄аресьт — ик аст л̄огкэ.
К̄ыле л̄ин ёгыгейм, коххьт нивла п̄езесьт.

Таннэ тулае п̄ейве и нышший и кыссе
В̄эмме кошк к̄оввсэсьт еллинг кыккть вильй.
Афтэковвэсогк,
Котт̄ вантс рыба.
Коххьт — ляннчи акт с̄арнэ нуммпа:
— Кулскэнт, вильйим,
Мом поррэ удць рыбпай?
К̄ятка рыба, мырьй, тыркайт, уммьлять.
Вышши, аллмэ п̄йенэч, лоңуан.
Поррмыш еллэ н̄ельгись: пэдзэ вэннче,
Рыпс к̄ылле,
Нуэрр̄ый беломорскэй лй.
Тавс мий л̄эбп̄ь, коххьт магкшанне п̄оррып̄ь.
Мангечен̄ь мий козген̄ь ебп̄ь кырьт?

Вильйисси с̄арнай, с̄онн и кугке юрртэмайн
Я п̄йеныджи алл кыссы м̄ырри.
Кидыдэсь, коххьт с̄эеть л̄эвэт̄ь, я нычккэд̄ь в̄элас.
Я тасьт —
К̄етьке сизьн рыпчлычмыйн оарр.

Ёммынэсьт шаннтмыйн, коххьт кыррьтлед̄ь мий
о̄аяджийм

Але в̄ыйед̄ь ч̄азесьт, котт̄ к̄эла.
Вильйись нигкыли вильйисси, юррьтыли:
«Кэссеген̄ь п̄аеген̄ь в̄элас ед̄ь кыррьтэ,
А — в̄ыллен̄ь я паяс!»

О ПЫТАВШЕМСЯ ЛЕТАТЬ

Кто доверчив, послушай. История эта
Хоть давно приключилась, но ходит по свету.
Было дичи в лесу — как листвы по весне,
Было рыбы в реке — словно игл на сосне.

В те далекие дни ни бедно, ни богато
В старой ссохшейся куваксе жили два брата.
Как-то раз говорит один:
— Слушай-ка, братка,
Чем питается маленькая куропатка?
Почки, веточки, камешки, трав семена, —
А гляди-ка, ведь к небу взлетает она.
Наша пища не скудная: мясо оленей,
Рыба красная,
Жир беломорских тюленей.
Силы много у нас, так как много едим.
Почему ж мы тогда никогда не взлетим?..

Брату это сказав, он подумал недолго
И залез на высокую пышную елку.
Руки вскинув, как крылья, он прыгнул.
И вот —
Средь камней распростертое тело его.

На земле рождены, как летать мы могли бы
Или плавать в воде, словно резвые рыбы?
Брат, над телом склонившись, подумал:
«Вовек сверху вниз не летают,
А — снизу вверх».

* * *

Харьпсей руччкись п̄н̄кын̄т̄...
К̄аххтмыйн лыстэгейм я шуммьдэмь кышкэ
Ч̄ецькись п̄н̄к в̄аллтэ касв.
А̄йя я а̄ххка сад̄лев
А̄ххквэсь намме
п̄яза партэ кырст.

Шанткоадт.
В̄арта,
Я мушт иджинт м̄ырант...

С̄аттка П̄эннэ ёгст
Кацьки п̄едзе в̄аресьт,
Р̄энныев кебпель,
Вай выдт, вай лоагке аге,
Кос̄т л̄ев п̄едзе шаннты п̄ыймыйн
Й̄джин̄т̄ каллэш м̄антур — а̄ххка — а̄йя.

Мушта й̄джин̄т̄ п̄яза.
Ах, кон̄тэмь сыгкись с̄эгя!
Лышьт шаннтэ п̄язай алямпэ парты
Таррьв р̄энн моджисьвыдт.
Мунн гас ныдт̄ ша татта,
Лышьт м̄йнэ агесьт
Олмэгейм алмэандэсьт
Алас пай р̄эннэ оараджин̄т̄ в̄аре.

* * *

Желтый ветер шуршит
Облетевшей листвой, как соломой.
И от шумных порогов прохладую веет в лицо.
Дед и бабка сажают
В честь внучки

сосенку у дома:

— Приживется.
Смотри
И запомни свое деревцо...

А село над Поноем
В бору утонуло сосновом.
Зеленеют стволы,
Может, пять, может, десять веков.
Средь посаженных предками
Старых деревьев и новых
Как найти мне деревья
Моих дорогих стариков?

Я запомню свое...
Ах, какие пушистые ветки!
Пусть растет выше крыш —
Смоляная земная краса.
Я ведь тоже хочу,
Чтобы в нашем неласковом веке
В честь людей на планете
Всегда зеленели леса.

* * *

Шыгън л̄и п̄эдт̄э ч̄арэсьт парр̄ьты,
Ч̄ая равзямпэ п̄аррад̄ье,
Маңузэ пыгк в̄аррдам лоссы
Шыгън партст ч̄ай югкэ.

О̄ця соаңай парьтысси.
Е̄вай партст.
К̄егенѣ елла — с̄онн л̄и аккт.
Розетка чохкэль ч̄айнэкь,
Иджь олкыз — лаффка л̄ейпе гоаррэ.

Яткесьт маннэ, лаффксаннтэ,
Коххьт гас с̄онн л̄и отпускнэххьк.
О̄ця кынѣты
 л̄ейпе ч̄айи.

Соаңай парр̄ьты
И в̄ир О̄ця:
Тадт̄ы м̄и л̄и тагазайн?
Оарра чайнэххьк каллм ч̄азийн.

О̄ця ишшьтый табуретке,
Рыхьфлыджи, коххьт уйнэсьты радиорозетка:
— Кыртэм п̄але, коз гас имм л̄я чохккла в̄ял!

Вот л̄и м̄адтнайн.
Тыввэйн О̄ця вартая:
— И тылтэ тадт̄ы ныдт̄ь,
Но, кысстай, и ни с̄арнышкэдт̄ь.

★ ★ ★

Хорошо, придя из тундры,
Чай покрепче заварить,
После всей дороги трудной
Славно — дома чай попить.

Оця в дом вошел.
Молчанье.
Ни души — лишь он один.
Он включил электрочайник,
Сам — за хлебом в магазин.

По селу походкой важной,
Как должно отпускнику,
Оця нес кулек бумажный —
Булку свежую к чайку.

Дома — глядь! —
Не верит Оця:
Это что за ерунда?
Холодней морозной ночи
Стынет в чайнике вода.

Оця сел на табуретку
И тотчас же подскочил:
«Я же в радиорозетку
Второпях его включил!»

Вот случится же досада.
Удивленный, он глядит:
Не кипит, так и не надо,
Но ведь и не говорит!

КӨВВКЭ

П̄ах̄ке в̄арр̄ь тагас̄ты к̄эрас.
Й̄к̄сьемь тагас̄ты чакк̄че шаңыс̄т.
Кохх̄т кугке алк̄э тэллич̄и й̄к̄сьемь.
Куллай вэсста к̄өввкэ:
— Й̄гийт... й̄гийт...

Р̄эннэ ассыйт н̄өгкав м̄ыры.
П̄айви одзыгк м̄ырьийт, кыммприйт.
В̄эттэзольмен̄т̄ линнчин̄т̄ сий̄.
Куллай к̄өввкэ:
— Лий̄ин... лий̄ин...

Тула тупый л̄огий̄ й̄гийт,
В̄эктэтэгы ӯййтымыйчи кясса.
П̄аххкас я п̄еййве — кас̄т л̄ев сий̄?
Я лышш лэнне к̄эрас в̄эййв.
К̄өввкэ вэсстал:
— Кос̄т-ляннчи... кос̄т-ляннчи...

Тахпыж тонн й̄вчнэ, к̄эрас в̄эййв.
Тонн̄ы бэ т̄идтэ м̄ин шахкы.
Майн тадт̄ы е̄ккс палль шуввэ вай н̄ессе ли.
А к̄өввкэ с̄аррнэ:
— Касс п̄иңүк... касс п̄иңүк...

На майт тонн, к̄өввкэ,
Й̄джь мунн т̄едам,
Маннгэйки вынн̄т̄-абре ц̄яххктыв алма.
Кэсс̄ь пылштокст тэпцнадт т̄алльв,
А сонн̄ы е̄ллемь с̄эя и ан̄т̄ чаккч.

ЭХО

Гористый лес становится пустым.
Прохладно от промозглой непогоды.
Как долго будет длиться эта стынь?!
И эхо отвечает:
— Годы... годы...

О зелени деревьям снятся сны.
Напрасно ищешь ягоды, грибы ли.
Ведь по приметам быть они должны.
— Были... были...

Давно кукушка отсчитала дни
За тучки закатившемуся лету.
Тепло и солнце — где теперь они?
И лишь хохочет эхо:
— Где-то... где-то...

Уймись ты, пересмешник-пустобрех.
Тебе ли знать, над нами балагуря,
Чем этот вечер так хорош и плох!
И эхо отвечает:
— Буря... буря...

Да что ты, эхо,
Знаю я сама,
Зачем дожди линуют неба просинь.
Ведь у порога топчется зима,
А ей жилья не уступает осень.

* * *

Выдтлоагкь игя.
Аге пѣлле.
Коххът юррьтэла, тадтѣ лѣ пѣдтѣ.
Мѣ лѣ кыдтыйн олмэнѣ? —
Лѣйе,
 лѣйе,
 лѣйе я.

На...

Тѣгесът тѣлы алас пэнни,
Партст пѣрым алас лѣй
Скѣттѣ пынни,
Шаннѣты парнайт, —
Лѣйе,
 лѣйе,
 лѣйе я.

На...

Вѣлльтэ пыссэ, ченнчле каллькийт —
Пыгк мунн вѣйи — иллинѣ лѣвс.
Тонн мыннѣйн кѣстѣик алямпа, —
Лѣйе,
 лѣйе,
 лѣйе я.

На...

Елла! — каннел ев абадѣ
Лышш пыгк маннмѣйн алмсѣйн лич.
Я пѣресь пѣлла маѣн куаррктэ:
Пыгк, мѣ лѣй — пыгк мунэ лѣ!

* * *

Пятьдесят.
Уже полвека.
Как подумаю — беда.
Что осталось человеку? —
Было,
 было,
 было,
Да...

В очаге огонь держала,
Чтоб еда была всегда,
Скот пасла,
Детей рожала, —
Было,
 было,
 было,
Да.

Взять ружье и встать на лыжи —
Все смогла я без труда.
Я с тобой казалась выше, —
Было,
 было,
 было,
Да.

Нет! — рыданье не годится.
Пусть все прошлое — былье.
И под старость мне гордиться:
Все, что было, —
 все мое!

Я́ЛЛА Ё́ММЫНЭ

Олмэ я́лла пуэраст вуайхувант.
Пыгк читампэ пяццлаххт мун:
Я́лла ё́ммынэ тагаста удцямпэ,
Альдампы маңемысс пёйв ре́ввьн.
Евла пя́ццэль я роаммгедийт агейт.
Куррчлада чальмийт я ва́ртам мунн:
Пыйенэччев лонта кыдт суннтам сэясыт
Я ё́фькенё кыррьтэв аллма.
Я́лла ё́ммынэ сингейм выйңулас лй,
Пёййве чуввись, чуйвыстог, павлы.
Томальт та́ссытэ тэ́гкан —

одт та́ссытэ.

Евла аввэнайн вяла мйнэгейм.
Елла корнэдтма нумпэ мырэгейм.
И ман туннэ мырт тйххт.
Тагкы пыгк, мом евла асстма мйнэгейм,
Ня́ввэпъ пуллдэгейт,
Когк мйны милльтэ та́гэзев.

ПОЛЕ ЖИЗНИ

Человеческий быт переменчив.
Все сильнее тревожит меня:
Поле жизни становится меньше,
Ближе кромка последнего дня.
Нет печалей и радостей вечных.
Но гляжу я, прищурив глаза:
Отделясь от проталинок вешних,
Шумно птицы летят в небеса.
Поле жизни для них — это воздух,
Солнца свет, синева, облака.
Там за звездами —

новые звезды,

Не открытые нами пока.
Нету связи с другими мирами,
Не доходит дотуда сигнал.
Сделать все,
что не сделано нами,
Завещается нашим сынам.

Пусть всех дней моих туже колечко, —
В сердце боль начинает стихать.
Поле жизни —

оно бесконечно,

Да другим это поле пахать.

**ВСЕРОССИЙСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ
МУРМАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**Октябрина Владимировна
ВОРОНОВА**

ЖИЗНЬ

Первая поэтическая книга
на саамском языке
Перевод на русский язык
В. А. Смирнова

Ответственный за выпуск — **А. А. Эдоков**

Рецензент — доктор филологических наук **Г. М. Керт**

Консультант **А. А. Антонова**
Редактор **А. Б. Тимофеев**
Художник **Т. А. Шорохова**
Портрет автора работы **Н. Н. Ковалева**
Художественный редактор **В. С. Жарков**
Корректор **З. М. Лазько**

Сдано в набор 16.08.89. Подписано в печать 04.03.91.
Формат 70×108/32. Бумага этикеточная. Гарнитура журнальная
рубленая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 1,75. Усл. кр.-отт. 1,9
Тираж 1000. Заказ 6325. Цена 1 рубль 25 копеек.

Мурманское отделение Всероссийского фонда культуры.
183012, г. Мурманск, ул. Папанина, 5, кв. 18. Типография издатель-
ства Мурманского обкома КПСС. 183624, г. Мурманск, ул. К. Марк-
са, 18.

МУРМАНСК · ФОНД КУЛЬТУРЫ

Когда в мае 1986 года по инициативе мурманских писателей в Мурманске был проведен День славянской письменности, вряд ли кто даже из нас, мурманчан, мог подумать, что всего лишь через три года праздник этот, пройдя через Вологду, Новгород, Ленинград, Таллинн, Киев и другие города, обретет всесоюзный размах, поставит новые серьезные вопросы и практические задачи.

Так, уже в 1987 году было принято решение о проведении и Дня саамского слова тоже, и уже на первом Дне саамского слова прозвучало справедливейшее: «Дети учатся на родном языке, но им нечего читать, навыки теряются. Помогите!»

И радостно, что есть у нас, наконец, — пусть и скромный, но все-таки результат — вот эта долгожданная книга на саамском, которую выпустило Мурманское отделение Всероссийского фонда культуры на средства Фонда славянской письменности и славянских культур.

День поминовения великих создателей нашей письменности Кирилла и Мефодия — день 24 мая — торжественно отмечался в нашей стране и прежде. Например, недавно появились публикации о праздновании этого дня в 1885 году и в Симбирске, и в семье Ульяновых. Спустя сто лет мурманчане вернули замечательный праздник из небытия, придав ему новое народное звучание. Идея такого праздника витала в воздухе, потому она и была столь широко подхвачена... То же можно сказать и о Дне саамского слова: уже объявлено о проведении в будущем году дня языка коми, уже сказал о проведении Дня ненецкого слова поэт Прокопий Явтысый. Так пусть и впредь идут рядом, дополняя и поддерживая друг друга, и День славянской письменности, и День саамского слова, и День коми языка, и праздник всякого иного сущего на нашей земле языка!

Виталий Маслов, писатель, председатель Мурманского отделения Всероссийского фонда культуры.

Октябрина Владимировна Воронова (1934 г. — 1990 г.) родилась в деревне Чальмны-Варрэ на Кольском полуострове. Она родилась в самой глубине великой северной земли, где среди лесов и болотистых пространств, мимо пастушеских кувакс и древних наскальных изображений течет к Белому морю главная река ее родины и ее народа — Поной...

Окончила Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена. Много лет работала библиотекарем. Автор трех поэтических книг: «Снежница» [Мурманск], «Вольная птица» [Москва], «Чахкли» [Мурманск]. Стихи писала на иоканьгском диалекте саамского языка. Она была и осталась теперь уже навсегда первым писателем народа саами, членом Союза писателей СССР.